

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В КОРЯКСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ (на материале самозаписей Е. И. Дедык)¹

Т. А. Голованева

УДК 398.22 (=551.3)

В статье представлен анализ морфологических особенностей глагольной лексики, востребованной в рукописных вариантах корякских народных сказок. Глаголы составляют 1/3 объема корякского прозаического фольклорного текста, независимо от его модуса (устного или письменного). Доля глаголов в фольклорном тексте меняется в зависимости от динамичности эпизода. В рукописном фольклорном тексте среди финитных глагольных форм доминируют формы прошедшего II (неочевидного) времени, в меньшей степени востребованы формы прошедшего I (завершенного) и настоящего времени. Причины выбора той или иной временной формы не очевидны. Вариативность в использовании временных форм обусловлена прагматикой жанра мифологической фольклорной сказки, предполагающей не только воссоздание, но и переживание изображаемых событий в настоящем.

Ключевые слова: коряки, корякский фольклор, корякский язык, морфология глагола, самозапись.

MORPHOLOGICAL FEATURES OF VERBAL LEXIS IN KORYAK FOLKLOR TEXTS (in E. I. Dedyk autorecord)

T. A. Golovaneva

In this paper morphological features of verbal lexis analysis are represented. This lexis is demanded in handwritten variants of Koryak popular tales. 1/3 volume of the Koryak prosaic text consists of verbs in spite of its modus (oral or written). Verb portion changes according to episode dynamics. In handwritten folklore texts among changeable verbs forms of II past (unobvious) time can also be dominant. However, forms of past I (terminated) and present times are demanded the most. Reasons of choosing one exact form are not obvious. Variability in time forms using caused by genre pragmatics of mythological folklore tale which suggests not only reconstruction but also experiencing events of mythological times in the present.

Key words: Koryaks, Koryak folklore, Koryak language, verb morphology, autorecord.

В национальных регионах России в условиях доминирования русского языка и средств массовой информации из бытования уходит традиционная национальная народная культура. В северных поселках Камчатского края, в местах исконного проживания оленных и береговых коряков, в настоящее время только представители старшего поколения владеют родным корякским

языком. В сложившихся условиях у возрастных носителей корякского языка появляется чувство ответственности за сохранение родной культуры: они составляют рукописные корякско-русские словари, записывают фольклорные тексты на родном языке. Национальный фольклор, утрачивая свою исконную устную форму бытования, начинает существовать в сценической и письмен-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 17-78-20185 «Текст в культуре этноса как фактор сохранения идентичности народов Сибирско-Дальневосточного региона».

ной формах. Фольклорные тексты в рукописях-самозаписях, являясь естественным проявлением национальной культуры, приобретают особый, самоценный статус и становятся полноценным объектом научного изучения.

Материалом данного исследования послужили рукописи корякских сказок «Юңи» («Кит») и «Калаг'а-чачамэ то пипи́ыльну» («Старуха-Злой Дух и мыши»). Оба текста представляют собой самозаписи носительницы корякского языка Екатерины Ивановны Дедык (корякское имя Ё́кав), 1932 г.р., уроженки с. Воямполка Тигильского р-на Камчатского края. Тексты сказок были записаны Е.И. Дедык в 2005 г. и опубликованы в 2015, 2016 гг. [1, 2]. Рукописи хранятся в личном архиве автора статьи.

Языки чукотско-корякской языковой семьи (чукотский, корякский, алуторский, керекский) относятся к агглютинативным с элементами инкорпорации. Для чукотско-корякских языков характерна сложная система глагольной морфологии. Так, полная парадигма корякского переходного глагола составляет 83 формы, а полная парадигма спряжения переходного глагола – 539 форм [3, с. 273]. По предварительным наблюдениям, в реальных корякских текстах (устных и письменных) выделяются доминирующие глагольные формы, которые являются опорными для построения большинства текстов: формы настоящего времени и прошедшего I (завершенного).

Глагольная лексика является базовой при создании текстов нарративного типа [4, с. 38, 39]. Глаголы позволяют моделировать развитие сюжетного действия, поэтому глагольная лексика играет значимую роль в стилистике фольклорного [5] или авторского [6] нарративного текста. Одной из значимых стилистических особенностей повествования является глагольная насыщенность текста. Для устных фольклорных текстов береговых коряков А.А. Мальцевой был выявлен средний уровень доли глагольной лексики: глагольная насыщенность устных фольклорных текстов береговых коряков составляет от 23 % до 47 % [7, с. 260]. Уровень глагольной насыщенности фольклорных текстов в рукописях Е.И. Дедык составляет 31 % и 33 %, что соот-

ветствует среднему уровню данного параметра в устных фольклорных текстах.

По предположению А.А. Мальцевой, глагольная насыщенность текста зависит от повествовательного таланта рассказчика: «Уменьшение глагольной насыщенности текста свойственно хорошим рассказчикам, умело расцвечивающим свое повествование свернутыми предикатами и дискурсивными элементами: атрибутами, сирконстантами, частицами. «Глагольность» понижается также в текстах артистичных исполнителей, моделирующих диалоги тембром, высотой голоса и интонацией изображающих действующих лиц» [7, с. 260]. Однако, как отмечает А.Н. Корнев, уровень глагольной насыщенности в тексте также зависит от типа (жанра) текста: «доля глаголов среди всех слов имеет большое значение при анализе нарративов. Нарративный жанр дискурса по определению представляет собой рассказ о прошедших ранее событиях, т.е. действиях, поступках. Глагол при этом играет ключевую роль в микроструктуре текста. Дефицит глаголов приближает текст к жанру описания» [4, с. 40].

Доля глаголов может определяться не только нарративным типом текста, но и динамикой сюжетного повествования: чем быстрее происходит смена событий, тем выше будет глагольная насыщенность в соответствующем фрагменте текста.

В рукописном варианте фольклорной сказки уровень глагольной насыщенности меняется от эпизода к эпизоду. Например, в завязке доля глаголов составляет 48 % (из 32 слов 15 глаголов): *Митив' кыевык, гэгитэлин – этг'у гэмэйнуэллин. Ыулу гив'лин: «Чаккэ, ина мыныллэн ау́ау!» «И», – гакумуаллин чакы-гэт. Гэлэлинэт ау́ау, гэгчеллэн мымытыль то гайтылэнат. Ыннэчуеу, явачетыу кытав'ут гайбыауау́ята гэг'уыволэн: «Ына-а-а, тыкуе́оу, тыкунав'я́батон! Ина, мынылзыт ау́ау?» Гэлэлинэт / 'Утром, проснувшись, [сестры] посмотрели на нее [на вошь] – еще подросла. Одна [сестра] сказала: «Сестренка, отнесем-ка ее к морю!» «Да», – воскликнула [другая] сестра. Пошли вдвоем к морю, опустили вошку [в воду] и возвратились домой. Однажды*

вечером вдруг [одна из сестер], напевая, сказала: «Ох, что же со мной происходит, тоскую! Может, пойдем к морю?» Пошли [сестры] вдвоем».

Наименьшее количество глаголов содержится в финальном эпизоде сказки. В центре изображения финала не действие, а описание (в частности, описание тех благ, обладателями которых стали молодожены). Глагольная насыщенность финального эпизода составляет 19% (из 32 слов 6 глаголов): *Ыныкъявал ыытой ыэлыылгы'ынежу, то эв'ын гакылгаллинат ыоят уетикик. Вагалгыг'э омакан уетикик то якам мэтг'аамноуэтыну г'эуэвыг'и. Мальвыг'аек нутэк г'уеви митг'айин ятам яяныжо то амкыка ыояв'. В'уччин ена-тыны ыыг'эли омакан тойуав'тынуылг'эн: ыачгываг'оячекэн то митг'алянуэн / 'Позади него вышел огромный табун и уже запряженная в нарту пара оленей. Сели вдвоем вместе в нарту и сразу в красивое место отправились. Немного позже в тундре появилась красивая огромная радужная яранга и много оленей. Таким стало место совместной жизни молодоженов: бедного юноши и красивой девушки'. Финальный фрагмент сказки не предполагает динамики. Напротив, достигнутое героями счастье представлено в сказке как устойчивое состояние полного благополучия. Финал представляет собой описание, при этом «описательность» противоположна нарративности в широком смысле. В описательных текстах излагаются статические состояния, рисуются картины, даются портреты <...>» [8, с. 18]. Таким образом, помимо повествовательного дара рассказчика, доля глаголов в тексте определяется особенностями повествования, а также особенностями определенного этапа развития сюжетного действия: в финальном эпизоде сказки доля глаголов меньше, нежели в завязке, ускорение / замедление динамики развертывания сюжета влияет на повышение / понижение доли глаголов в том или ином фрагменте текста. Глагольная насыщенность создается финитными, инфинитивными глагольными формами.*

Инфинитив соотносится с фазовыми глаголами начала и завершения действия, а также с глаголом невозможности совершения действия *пыкавык* 'не мочь': *Напкавын юу'юн нанзын чычак* / 'Не могут у кита живот вспороть'. Будучи синтаксически зависимым от основного гла-

гола, инфинитив опосредованно перенимает показатели переходности / непереходности, времени, наклонения, лица-числа, которые формально выражены в структуре основного глагола: *на=нкав=ын чыча=к* 'LowA=не мочь=3sgP вспороть=INF' (они [женихи] не могут его [кита] вспороть).

В инфинитиве формально отсутствуют показатели лица-числа актантов действия, отсутствуют показатели времени и наклонения, однако в корякском языке в инфинитиве может быть выражена категория деизидератива (желательности действия). Показателем формы деизидератива является конфикс *й(э)= // й(а)= ...=у*: от основы глагола *чыви=к* 'резать=INF' путем присоединения конфикса деизидератива образуется глагол со значением 'хотеть разрезать': *е=чыви=у=кы* 'DES=резать=DES=INF' (хотеть разрезать): *...якам в'алата ыывонэн ечывиуны нанзын юу'юн – актыко! / 'сразу ножом начал хотеть разрезать живот кита – невозможно!* В фольклорном тексте форма деизидератива (желательности) отражает стремление героя вступить в поединок, побороться за обладание невестой. Несмотря на большое желание разрезать шкуру кита, внутри которого находится девушка-невеста, стремление богача оборачивается неудачей.

Сюжеты корякских фольклорных сказок разворачиваются в хронологической последовательности. В корякском языке есть несколько деепричастных форм, которые отличаются по признаку их временной соотнесенности с основным действием. Деепричастие на =к (данная форма омонимична форме инфинитива) обозначает действие, предшествующее главному: *Яйтык, гэйиг'эллинэт* / 'Возвратившись домой, обрадовались они [сестры]'; *Митив' кыевык, гэгитэлин – этг'у гэмэйуэллин* / 'Утром проснувшись, посмотрели [сестры] на нее [на вошь] – еще подросла'.

В рукописных текстах Е.И. Дедык помимо деепричастия предшествующего действия на =к использована форма деепричастия одновременного действия, образованная при помощи конфикса *гайзы=...=та*: *Ыннэуечу, явачетын кытав'ут гайзыанау'ята гэв'уыволэн...* / 'Однажды вечером вдруг [одна из сестер], напевая, сказала...'.

Среди финитных глагольных форм наиболее востребованной в рукописи Е.И. Дедык является форма прошедшего II (неочевидного) времени (27 из 66 финитных глагольных словоформ, что составляет 41%). В грамматике А.Н. Жуковой форма прошедшего II (неочевидного) времени трактуется как форма причастия прошедшего времени: «Причастие употребляется для выражения прошедшего неочевидного времени и для выражения неактивного залога. Неочевидность действия и «неактивность» залогового значения оказываются связанными между собой» [3, с. 265]. Причастие прошедшего времени – типичная для фольклорных текстов форма актуализации действия, т.к. обозначает действие, «которое было закончено задолго до момента речи» [9, с. 181].

В рукописном тексте Е.И. Дедык формы причастий прошедшего времени отличаются простотой структуры, отсутствием акциональных аффиксов: *гэ=гитэ=лин* ‘PP=смотреть=3sgP’ (увиден он), *гэ=ччел=лэн* ‘PP=положить=3sgP’ (положен он), *га=валом=лэн* ‘PP=услышать=3sgP’ (услышан он), *га=пэнни=лэн* ‘PP=наброситься=3sgP’ (захвачен он), *га=тылда=лэн* ‘PP=истрепаться=3sgP’ (истрепан он), *гэ=лэг’у=лин* ‘PP=увидеть=3sgP’ (увиден он), *гэ=юнэл=линэ=в* ‘PP=жить=3nsgS=PL’ (жили они), *гэ=ув’=лин* ‘PP=сказать=3sgS’ (сказал он), *гэ=лэ=линэ=т* ‘PP=уйти=3nsgS’ (ушли они двое / две). Подавляющая часть причастий прошедшего времени (24 из 27), употребленных в рукописном варианте фольклорной сказки, имеют одноосновную структуру.

Помимо глагольных форм прошедшего неочевидного времени, в рукописном варианте Е.И. Дедык в достаточной мере востребованы и формы I прошедшего времени, или прошедшего завершённого (19 из 66 финитных глагольных форм, что составляет 28%). В корякском языке форма прошедшего I времени не имеет специальных показателей. Непосредственно к глагольной основе присоединяются показатели лица и числа субъекта (если глагол непереходный): *Кытав’ут нан’уу’уо чеп’утой лыгимит’аля’уэ* / ‘Вдруг из живота появилась очень красивая девушка’, *Ыннэн лянэ я’ам чей’мэви’уачгыва’о’ячкыу* / ‘Эта девушка сразу приблизилась к бедному юноше’;

Ынык’авал’утой’уэл’ыл’гы’ыне’у... / ‘Позади него вышел огромный табун...’

Прошедшее I время не имеет дополнительных смысловых значений и «охватывает по существу все значение действия, совершившегося до момента речи» [3, с. 232]. В рукописных текстах фольклорных сказок в самозаписи Е.И. Дедык глаголы в прошедшем II (неочевидном) соседствуют с глаголами в прошедшем I (завершённом), причем, пока не удастся объяснить условия выбора той или иной формы прошедшего времени (I или II). В тексте Е.И. Дедык эти две глагольные формы следуют буквально одна за другой: *Гэлэлинэт^{Прош. II}. Кытав’ут малыявау выччети^{Прош. I} юу’ыйня’у то я’ам пыгатэ^{Прош. I} чаймыу чакэ’тыйыкыу. Яйтык, гэйиг’элинэт^{Прош. II}* / ‘Пошли [сестры] вдвоем. Вдруг вдалеке показался огромный кит и сразу поплыл поближе к сестрам. Вернувшись домой, порадовались’. Пока трудно объяснить, какие факторы обуславливают выбор I или II формы прошедшего времени. Возможно, выбор формы I прошедшего (завершённого) времени обусловлен необходимостью выражения активного залога: *Кытав’ут малыявау выччети^{Прош. I} юу’ыйня’у то я’ам пыгатэ^{Прош. I} чаймыу чакэ’тыйыкыу* / ‘Вдруг вдалеке показался огромный кит и сразу поплыл поближе к сестрам’. В приведенном предложении однородной связью объединены две глагольные словоформы прошедшего I (завершённого) времени, при этом внимание повествователя в большей степени сосредоточено на активности деятеля, нежели на факте завершенности действия (что следовало бы ожидать, ориентируясь на принятое условное название формы I завершённого времени). Выбор формы сопряжен с актуализацией персонажа (кита) как активного деятеля, что формально выражается в глагольных словоформах посредством показателей субъекта действия: *вычч.ет=и* ‘виднеться=3sgS’ (показался=он, стал видимым=он), *пыгат.е* ‘плавать на поверхности=3sgS’ (поплыл=он). Примеры из рукописного фольклорного текста свидетельствуют, что доминирование форм прошедшего I (незавершённого) времени коррелирует с высокой степенью активности персонажа. Чем более активную позицию в развитии сюжета занимает тот или иной персонаж, тем больше вероятно-

сти, что при актуализации его действий будет использована глагольная форма прошедшего I времени. Например, в эпизоде, повествующем о попытках богачей разрезать живот волшебного кита, женихи-богачи предстают как активные персонажи, их действия актуализированы при помощи форм прошедшего I времени: *Ынуг'ан ымыу пыттоуычг'о ятан тав'аулай*^{Прош. I}. *Нап-кавын*^{Прош. I} юу'юн нан'ын чычак^{Инф} / 'Так все богачи только попробовали [разрезать]. Не смогли живот кита вспороть'. В финальном эпизоде сказки главные герои: парень-сирота и его невеста обретают не только богатство, но и самостоятельность. Активность персонажей подчеркивается выбором глагольных форм I прошедшего времени: *Вагалгыг'э*^{Прош. I} омакау уеткиик то язам мэтг'аамноуэтыу г'эжэвгыг'и^{Прош. I} / 'Сели вдвоем вместе в нарту и сразу в красивое место отправились'.

События, изображаемые в сказке «Кит», относятся к мифическому прошлому, что побуждает рассказчицу использовать глаголы прошедшего I (завершенного) и прошедшего II (неочевидного) времени. Однако помимо глаголов в форме прошедшего времени, Е.И. Дедык использует и формы настоящего времени. Из 66 форм финитных глаголов 12 – глаголы в форме настоящего времени (18% от общего количества финитных форм). В корякском языке форма настоящего времени образуется путем присоединения к основе циркумфикса *ку= / ко=...=у*. Глаголы в форме настоящего времени могут обозначать: 1) действие, непосредственно совпадающее с моментом речи; 2) постоянное, обычное, длительное действие, включающее момент речи. А.Н. Жукова отметила возможность использования формы настоящего времени для актуализации событий, произошедших в прошлом: «способность глагола в настоящем времени обозначать действие, лишь включающее момент речи и выходящее за пределы его, обусловила возможность употребления настоящего времени в значении прошедшего. <...> настоящее время глагола в силу заложенной в нем возможности обозначать длительный, протяженный отрезок времени свершения действия может быть использовано в значении, близком к значению прошедшего времени, но не тождественном ему» [3, с. 231].

Форма настоящего времени используется рассказчицей при моделировании реплик персонажей: *Ыннэуচেу, явачетыу кытав'ут гай'зыауау'ята гэв'уыволэн: «Ына-а-а, тыкуе'жоу, тыкунав'яжатоу!»* / 'Однажды вечером вдруг [одна из сестер], напевая, сказала: «Ох, что же со мной происходит, тоскую я!»'. Использование формы настоящего времени позволяет изобразить состояние как происходящее непосредственно в данный момент, что усиливает драматическую составляющую фольклорного текста. Эмоциональность реплики подчеркивается использованием глагольных форм с эмпатическим усилением: *тыкуе'жоу* 'что же со мной происходит' вместо стилистически нейтрального глагола *тыкуе'зыу* 'что-то со мной происходит'; *тыкунав'яжатоу* 'ох и тоскую я' вместо стилистически нейтрального варианта *тыкунав'яжатыу* 'тоскую я'.

В рукописи Е.И. Дедык наблюдается вариативность в употреблении временных глагольных форм: *Выг'аек малэта чеймэви*^{Прош. I} г'оячек, *жэв'вау гэтэуэтвэв'лин*^{Прош. II}. *Куннэунни*^{Наст.} уттыв'алапэль. *Язам ачачго нэччын*^{Прош. II}: «*Куе'зыу*^{Наст.?}» / 'Потом потихоньку приблизился парень, плохо одет был. Несет деревянный ножичек. Сразу посмеялись над ним: «Что делает?»'. Изображение действий персонажей в прошедшем > настоящем > прошедшем характерно в целом для стилистики фольклорных текстов. В частности, в корякской сказки «Старуха-Злой Дух и мыши» в записи Кецай Кеккетына так же, как и в рукописи Е.И. Дедык, формы прошедшего I (завершенного) времени употребляются параллельно с формами прошедшего II и формами настоящего времени: *...Эпк'е эт'ирипи'л'и jalelaj*^{Прош. I}... *Amjatvaŋa piriq'lyŋa wanna naquqlujvən*^{Прош. I} ic'ən to g'əntawlaŋ^{Прош. II}... *Nem əp'əŋceŋ jajol kulejv'yt'kuŋ*^{Наст.} *ŋaj'ŋnojr'ŋ*... / 'Тогда мышата скатились... Вскоре мышата зубами продырявили кухлянку и убежали... И вот однажды лиса гуляет по просторам...' [10, с. 81].

Использование в фольклорном тексте глагольных форм прошедшего I (завершенного) и прошедшего II (неочевидного) времени обусловлено спецификой хронологического плана мифологических повествований: в фольклорных сюжетах корякских мифологических сказок

повествуется о давно минувших событиях, завершившихся в прошлом. В то же время исполнение фольклорного текста предполагает воссоздание некогда свершившейся истории здесь и сейчас. Морфологические особенности глагольной лексики фольклорного текста обусловлены прагматическими задачами жанра: мифологический текст предполагает соучастие, новое переживание давно минувших событий. Такая двойственность хронологического плана разворачивания сюжета служит основанием для вариативности употребления временных глагольных словоформ в корякских фольклорных текстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голованева Т. А., Мальцева А. А. Вариант корякской мифологической сказки «Кит» в самозаписи Екатерины Ивановны Дедык // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2016. – № 2 (31). – С. 33–42.
2. Голованева Т. А. Самозапись Екатерины Ивановны Дедык: вариант корякской сказки о мышах, которые катались с горы // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2015. – № 2 (28). – С. 25–33.
3. Жукова А. Н. Грамматика корякского языка. – Л.: Наука, 1972. – 323 с.
4. Балчюниене И., Корнев А. Н. Анализ нарративов у детей с недоразвитием речи // Социальное образование. – 2017. – № 3. – С. 32–43.
5. Дядюн С. Д. Морфологические и семантические особенности глагольной лексики хантыйских сказок // Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера. Сб. ст. / отв. ред. С. А. Герасимова. – Ханты-Мансийск, 2017. – С. 126–133.
6. Каракулов Б. И. Некоторые наблюдения над морфологией удмурдского языка: в поэтической лаборатории Ф. И. Васильева (об использовании форм глагола в неочевидном прошедшем) // Творчество Флора Васильева и вопросы языка, литературы, образования в глобализирующемся мире. Сб. трудов конф. – Глазов, 2014. – С. 13–16.
7. Мальцева А. А. Прагматическая и синтагматическая сложность глагольных словоформ в чукотско-корякских языках // Сложность языков сибирского ареала в диахронно-типологической перспективе / отв. ред. А. А. Мальцева. – Новосибирск, 2018. – С. 254–280.
8. Шмид В. Нарратология. – 2-е испр. и доп. изд. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 302 с.
9. Молл Т. А. Краткий очерк грамматики корякского языка // Корякско-русский словарь / сост. Т. А. Молл. – Л.: Учпедгиз. Ленингр. отд-ние, 1960. – 237 с.
10. Кеккетын К. Kalejyl'jjon / Книга для чтения. 1-я книга для чтения на нымыланском (корякском) языке для 1-го класса нымыланской начальной школы / под ред. С. Н. Стебницкого. – М.-Л.: Учпедгиз, 1936. – 104 с.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ ТЫГЫН В НЮРБИНСКОЙ ЛОКАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ ЯКУТОВ (по материалам исторических преданий и легенд)

Л. С. Ефимова, В. Б. Борисов

УДК 398 (=512.157) (571.56 – 37)

В статье анализируются сюжеты преданий о переселении якутского рода Джархан в начале XVII в. со средней Лены на юго-запад Якутии и роль главы якутских племен Тыгына Джархана. По джарханским преданиям действия Тыгына стали причиной переселения их предков в Вилюйский край (территории Сунтарских и Нюрбинских улусов). В данной статье исследованы предания нюрбинских и сунтарских якутов, зафиксированные в фундаментальных изданиях известных якутских исследователей Гаврила Васильевича Ксенофонтова «Эллэйада» и Георгия Устиновича Эргиса «Исторические предания и рассказы якутов»,